БАБУШКА С ХАРАКТЕРОМ

Тамара Исааковна Герзон: "Жизнью своей клянусь, что Кобзон не мафиози"

Моск. комсомолец. – 1997. – 25 янв. – с. 2.

У ее поколения тяжелая судьба. Одна война, отнявшая отцов и дедов. Другая, похоронившая сверстников. Аресты 1937 года. Потом вторая волна в 50-м.

Их почти не осталось, тех, кому за 80. Государство сделало все возможное, чтобы они не засиделись на этом свете. Родившись в России, они, по логике советской власти, никогда не должны были вернуться в эту страну.

Но некоторые все-таки вернулись. Тамаре Исааковне Герзон по паспорту 81 год, но сама она считает, что 82: метрику потеряли чекисты, и поэтому проверить невозможно. Она еще помнит, как мама зарабатывала гаданием в "белом" Киеве. Магический круг, кстати, до сих пор хранится у Тамары Исааковны дома: "Мы с Петросяном с его помощью духов вызывали". "Мы с Петросяном..." Это из относительно недавнего прошлого. Давно были встречи с Раневской, Шульженко, Хенкиным, Руслановой... Да мало ли с кем сводила судьба бессменного директора московских концертных залов! Впрочем, нет: был в профессиональной биографии Тамары Герзон вынужденный перерыв. Антракт, так сказать. Четыре года ссылки – с 1950 по 1954 год. Но даже там, в "зековском" Норильске, ей удалось поработать с Жженовым и Смоктуновским. На ловца, как говорится, и зверь бежит...

Однако больше всего Тамара Исааковна по-прежнему трясется над Кобзоном: "Это мой большой ребенок". Своих детей у нее нет. Она одинока. Как, впрочем, и большинство из тех, кому удалось пережить все 70 с лишним лет строительства советского государства.

– Меня взяли в 50-м году. Мне было 36 лет. Я прошла с концертными бригадами всю войну, потом продолжала работать в Москонцерте. Я никак не могла понять, за что меня взяли. Обожала Сталина, свято верила, что "враги народа" существуют, но при чем тут моя семья? Брата арестовали первым, по обвинению в шпионаже, потом отца по "делу врачей", потом меня как социально опасную. Мама к тому времени уже умерла, ее все это, слава богу, не коснулось.

Брат был тяжело болен: скорее всего он умер еще на этапе. У него оставалась дочка, маленькая хорошенькая девочка. Уже 30 лет она в сумасшедшем доме. Я все думала: "Почему?" У нас в роду никогда не было сумасшедших. А потом поняла. Ночь. Люди в черном. Отец в наручниках. Обыск. Вытащили у него из кармана конфету "Мишка": "Девочка, не заходит, не заезжает. Я изредка слышу его голос по телефону. Да и вообще он никогда не был особенно благодарным. Не то что Хазанов.

– Хазанов навещает?

– Нет. Лично никогда. Но вдруг раздается звонок в дверь, открываю, а на пороге его личный шофер: "Здрасте, Тамара Исааковна, я вам тут гостинцы привез!" На Новый год весь холодильник мне забили, до сих пор съесть не могу. Хазанов помнит день моего рождения, не пропускает ни одного праздника. Всегда шофер, цветы, подарки. Если честно, я не ожидала от него. Даже телевизор импортный мне за 200 долларов купил. Видишь, что я курю? "Маль-бо-ро". Если б не Хазанов, разве бы я могла позволить себе такую роскошь? А без сигарет я жить не могу. Думаю, что без хлеба проживу, а без курева нет.

– Много курите?

– Очень. Я закурила в первый день войны и с тех пор выкуриваю больше пачки в день. "Беломорканал", "Ява", "Космос", махорка... Раньше мне было все равно. Это только недавно Хазанов меня приучил к хорошим сигаретам.

А вот пить совсем не пью. Я свою цистерну выпила в Норильске. Приказ о моем освобождении мне зачитали 5 ноября 1954 года. Все уже знали, в гостинице накрыли столы, и началась такая пьянка... Сейчас я даже не представляю, как можно было столько выпить. А тогда спиртом заливали память. Многие, особенно женщины, быстро спивались.

В Москву я вернулась как раз накануне 8 Марта. Сели отмечать. И вдруг замечаю, что все на меня как-то странно смотрят. Сначала я никак не могла понять, в чем дело. А потом догадалась: я же водку глушила стаканами, почти не закусывая. Привыкла в Норильске с Владимиром Ивановичем: сядем, и пол-литра спирта как не бывало.

– Владимир Иванович – это кто?

– Это... Как бы тебе рассказать, чтобы понятнее было? Когда меня забрали, у меня был муж. Мы не были расписаны, но он всем говорил, что его жена находится в ссылке. Он влюбился в меня, семилетнюю, когда ему едва исполнилось 14. А я... В ссылке у меня были любовники: и среди ссыльных, и среди начальства. Помню, был такой зам. директора норильского комбината Константин Белоглазов. А потом я полюбила Владимира Ивановича Венгерова. К сожалению, он уже был женат.

Меня освободили раньше, чем его. Когда я вернулась в Москву, первым делом позвонила его жене:

– Здравствуйте, я от Владимира Иваныча. Он передает вам привет.

– Спасибо. А как он? Где он?

– С ним все хорошо. Он скоро будет в Москве.

– Как я хочу его увидеть!

– Вы его любите?

– Безумно.

Все. Для меня вопрос был решенным. Я считала себя не вправе разрушать чужую семью, тем более что там был ребенок, девочка. Когда Венгеров приехал ко мне, я с огромным трудом уговорила его поехать к семье. Он не хотел, но я настаивала. Мы продали мою самую нарядную кофточку и купили ему билет. Уехал. Через неделю вернулся: "Тамара, я не хочу ее знать, я не люблю ее. Девочка даже не знает, что я ее отец". Еще какое-то время мы жили вместе. Но потом вернулась его жена, они снова встретились, через какое-то время сошлись. Жили в Петербурге.

– Вы не встречались?

– Иногда. Потом перезванивались. Последнее время, правда, очень редко. И вот в прошлом году звоню я в Петербург, трубку поднимает его дочка: "Тетя Тамара? А папа умер". Шок. Это одна из самых тяжелых потерь в моей жизни.

Всю жизнь я любила только Венгерова, поэтому, наверное, замуж так и не вышла. Хотя возможности, предложения были. Я ведь не такая страшная была, как сейчас: довольно приличная рожа, хорошая фигура. Не красавица, но, как говорят, чертовски мила.

– Будучи директором московских концертных залов, вы лоббировали кого-то из певцов, актеров? Может быть, Кобзона, Хазанова, Магомаева?

– У меня был Колонный зал Дома союзов! Концертный зал "Россия"! Кремлевский Дворец съездов! В такие залы не надо было никого лоббировать. Мне говорили: "Достань Сидорова, Иванова, Петрова". И я обязана была достать. Конечно, очень многие на меня обижались: думали, я беру взятки, проталкиваю своих любимчиков. На самом деле я делала то, что говорили. Как мы с Магомаевым познакомились? Колонный зал Дома союзов. Входят двое в штатском (я сразу поняла, кто такие). "Вы, – спрашивают, – Тамара Исааковна?" – "Да, – отвечаю, – меня зовут так. Но для вас я товарищ Герзон". – "Товарищ Герзон, дочка Брежнева хочет послушать Магомаева". А я тогда понятия не имела, кто такой Магомаев. Даже фамилии никогда не слышала. Эти двое в штатском приводят паренька – маленький, худенький, прыщавенький, ну просто фу какой. "Ладно, – говорю, – только у меня нет денег". Вру, конечно. Деньги у меня были, но я решила сделать назло. "А мне и не нужны деньги. Только позвольте выступить в самом начале, а то мы с приятелями решили ехать на дачу". Ну, пускаю я его сразу после оркестра – на убой, значит. А сама иду слушать в зал: если дочка Брежнева хочет, почему дочка Герзона не может...

Это было что-то. Невероятно. Я была потрясена: ведь я кое-что понимаю в этом. Магомаев и пел, и сам себе аккомпанировал. И все было прекрасно. Ну просто Фигаро. Когда он закончил, раздался гром аплодисментов. Я хлопала тоже. Да что там хлопала... Тут же вскочила, побежала за сцену, уцепилась за рукав: "Как ваша фамилия? Магомаев? Пойдемте со мной. Для таких певцов, как вы, у нас всегда найдутся деньги".

Нет-нет, я никого не пропихивала. Но старалась помогать действительно талантливым людям. У меня были кое-какие связи в прокуратуре Союза. (Я часто устраивала для них концерты.) Могла замолвить словечко. Помню, пришла ко мне одна балетная актриса. Рыдает: партнера-педераста забрали органы. Тогда многих извращенцев позабирали, Козин уже несколько лет сидел. Я звоню заместителю прокурора Союза Студенцову: "У вас сидит такой Махаев, танцор. Он хороший человек, но педераст". – "А разве это плохо?" – "Не знаю, – говорю, – не пробовала. Но я точно знаю, что Махаев не трогал детей. А все остальное, вы же сами понимаете, чепуха". Студенцов задумался. Я услышала в трубке какой-то шум и поняла, что он не один. "Тамара Исааковна, окажите мне любезность, позвоните часа через два. Я сейчас отпущу товарищей и почитаю, что там написано о вашем Махаеве. Если все окажется так, как вы говорите, я его освобожу". Назавтра пришел ко мне живой, здоровый и счастливый Махаев.

Сложнее всего мне было общаться с военными. Сами они почти никого не заказывали, хотели, чтобы я сама предлагала. Такие... тупые. Одну фамилию называю, другую, третью, реакция одна и та же: а кто это? И вроде культурный человек, полковник. Наконец, я говорю: "Давайте возьмем Образцова?"

Полковник снова: "А кто это?"

Я: "Как? Вы не знаете, кто такой Образцов?"

Он: "Нет, не знаю".

Я: "Ах так! Ну тогда считайте себя поцелованным".

Сказала и злая как собака выскочила в коридор. Через полчаса вызывает меня начальство: "Тамара Исааковна, что такое вы сказали полковнику, который пришел к вам заказывать концерт? Что такое "считайте себя поцелованным"?"

Дело в том, что до моей высылки в Москонцерте никто не ругался матом. На употребление любых ругательств было наложено табу. Все, конечно, материться умели: научились в войну, как, впрочем, и я, но это было как-то не принято. Когда я вернулась из Норильска, то страшно боялась выругаться: я же не знала, что за пять лет все страшно изменилось и посылать теперь можно кого угодно и куда угодно... Поэтому пришлось придумать эту фразу. "Считайте себя поцелованным", – сказала, и все поняли. Вон видишь, мой бюст из папье-маше стоит? Пойди посмотри, что там сзади написано?

– "Считайте себя поцелованным".

– Вот. Это мои приятели меня так с юбилеем поздравили.

– Вообще, Тамара Исааковна, характер у вас, прямо скажем, тяжелый...

– Знаю. Я могу заорать, затопать ногами, прогнать человека с глаз долой... Даже ударить. До сих пор не могу себе простить, что избила следователя, который вел дела папы, брата и мое. Это было в 1955 году, я только что вернулась из ссылки и случайно оказалась с ним в одном троллейбусе. Он меня, конечно, не узнал, но я-то его узнала прекрасно. Вцепилась ему в одежду, спихнула с подножки, повалила на землю и лупила его, лупила... Не только за свою семью, за всех, кто "там" был.

Но обычно я очень быстро отхожу. Стараюсь как-то загладить свою вину. Иду просить прощения, все такое... Но если я затаила хамство, тут я буду помнить обиду всю жизнь. Ни за что не прощу. До сих пор, хотя минуло уже больше сорока лет, не могу простить соседку брата. Мы тогда возвратились из ссылки – папа чуть раньше, я сразу за ним, – и нам негде было жить. (В нашей квартире прописались совсем другие люди.) А эта соседка разрешила мне переночевать у себя только одну ночь и то постелила на полу. Вот эту трусость я буду помнить ей всю жизнь. Да, я злопамятна. Ну и что?

Зато я всегда могу сказать правду. Другие будут молчать, отсиживаться, а я возьму и рубану сплеча. Помню, как-то 9 Мая мы собрались с участниками фронтовых бригад. Сидим, вспоминаем. Вдруг встает Рыкунин и начинает рассказывать, как он был на войне, как дошел до рейхстага, как получил орден Красной Звезды. Мы даже рты пооткрывали от удивления: ведь хорошо известно, что Рыкунин не был на войне. Однако все молчат. Я тоже. Собираюсь с мыслями. Наконец выхожу к микрофону и говорю: "Николай Николаевич, какая жалость, что мы с вами были у рейхстага в разное время. Я бы вас ни за что не отдала вашей Леночке (Леночка – это жена Рыкунина), я бы сама за вас замуж вышла". В общем, я не боюсь говорить людям правду.

– А соврать можете?

– Легко. Особенно этим... чекистам, которых ненавижу.

В норильском театре у меня был свой кабинетик, и я его почти никогда не закрывала. Как-то раз прихожу, а там мужик: "Помоги мне, за мной менты гонятся..." Я помогла, обманула ментов. А ведь мужик скорее всего был уголовником, я ни фамилии его не знала, ни статьи... К норильским уголовникам у меня вообще особое отношение. Я же очень много с ними общалась. С ними да еще с проститутками: я – социально опасная, они – социально вредные.

Как-то еду на попутке домой и, как дура, рассказываю водителю, что работаю в театре, только что продала билеты, очень много билетов, довольно дорогих... Он вдруг как-то странно на меня посмотрел и спрашивает: "А деньги?" – "И деньги со мной", – я по-прежнему наивна. Довез он меня до дома без приключений, а когда высаживал, наклонился к уху: "Впредь будьте поосторожней. Я – уголовник, вор. Тебя просто пожалел". Нынешние-то вор не пожалеют.

Меня в прошлом году три женщины ограбили. Попросили водички попить, а пока я с костылем на кухню ходила, они в шкафах лазили. Потом меня, старуху, в коридоре держали, не давали пройти. Думала, ну все: сейчас по голове чпок – и приветик.

– Вам часто бывало страшно?

– Страшно? Наверное, было. И в войну, и в ссылку, и на концертах: вдруг кто-нибудь провалится? Иногда чувство настоящего ужаса вызывали совершенно нестрашные, даже какие-то бытовые вещи. Мы вот тут недавно с одним старым знакомым вспоминали...

Я в Норильске. Еще не администратор, а сестра-хозяйка, ответственная за выдачу белья осужденным. Командир меня спрашивает: "При вас мужчины когда-нибудь раздевались?" – "А как же? Мне же все-таки почти 40 лет". И вот строй. Команда "Раздевайсь!" Сосредоточенное сопение, хруст штанов. Потом голые ноги и торсы. Я как увидела такое количество раздетых мужиков, побелела вся, задрожала, ноги от страха подкосились. Еще бы немного, и упала в обморок. Сейчас, конечно, смешно вспоминать. А тогда не до смеха было.

– У журналистов есть такой традиционный, несколько дурацкий вопрос: "О чем вы жалеете, что бы хотели изменить в жизни?" Обычно отвечают на него также традиционно: "Ничего". Я почти уверена, что вы тоже...

– Ну почему? Я бы многое хотела изменить. У меня была очень тяжелая жизнь. Не дай бог кому-нибудь из тех, кому сегодня 20–30 лет, пережить то, что пережила я.

Я долго приходила в себя после войны, потом после ссылки. Всюду видела намек на то, чего уже не было в природе. Помню, идем мы с моим начальством по Колонному залу. Я рассказываю программу, называю порядок выхода артистов, показываю оформление фойе. Всем нравится, меня хвалят: "Ну, Тамара Исааковна, Родина вас не забудет!" А я аж похолодела вся. "Спасибо, – говорю, – она обо мне один раз уже вспомнила. Больше не надо".

Да, я бы многое хотела изменить в своей жизни. Вот сейчас, например, я бы с радостью поехала в санаторий "Артем": там люди, уход, еда опять же неплохая. Стоит мне снять трубку, позвонить Кобзону и все - завтра путевка была бы у меня. Но я не доставлю ему такой радости. Он у меня не дождется. Никогда ни о чем не просила Кобзона и клянусь - не попрошу. Буду жить, как жила, ничего не меняя.

Елена ЕГОРОВА.

Фото из личного архива Т. И. Герзон.